

17	0221	АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН	"Понимаю понемногу"
----	------	------------------	---------------------

"Понимаю понемногу" (Коренблит – Жигулин)

1. Кормление чаек	– 1.40
2. И кажется	– 2.09
3. Короткая жизнь	– 2.22
4. Гадание	– 1.20
5. Польша	– 1.23
6. Овес	– 1.38
7. Перепелка	– 1.50
8. Кукушка	– 2.03
9. Музыка прощальная	– 1.35
10. Осенняя тишь	– 1.14
11. Журавли	– 2.40
12. Больничный сад	– 1.27
13. Угасание	– 1.42
14. Пора бы	– 1.56
15. Наивный дымок	– 1.29
16. Там	– 1.23
17. Черное и белое	– 2.25
18. Метель	– 1.23
19. Сани	– 1.29
20. Колымская	– 2.42
21. Птица-память	– 1.50
22. Поэт	– 1.34
23. Калина	– 1.58
24. Белогорье	– 2.06
25. Россия	– 1.20
26. О, жизнь моя	– 2.46
27. Душа	– 1.21
28. Больше того	– 1.34
29. Понимаю понемногу	– 1.51
30. Твой лик	– 1.33
31. Пусть белеет храм	– 1.47
<i>Общее время звучания</i>	<i>– 55.30</i>

СОДЕРЖАНИЕ

1. КОРМЛЕНИЕ ЧАЕК

Бросаю в воду хлеб —
Кормлю у моря чаек.
Как легок их полет
В безлюдье синевы!
И тихая волна
Задумчиво качает,
Как тени дальних дней,
Пучки морской травы.

Такая благодать
И воды так спокойны!
И сосны, и песок,
И сети рыбаков.

Как будто никогда
 Не грохотали войны,
 Не гибли корабли
 У этих берегов.

Торжественный покой,
 Седой и величавый.
 И кажется душе:
 Грядущий путь един —
 Не будет никогда
 Ни проволоки ржавой,
 Ни обгорелых труб,
 Ни плавающих мин.

Конечно, никогда
 Беда не повторится.
 И будет белый хлеб,
 И будет синий свет.
 И стаи белых птиц
 Кружиться и кружиться
 Все будут в синеве
 Над перепутьем лет.
 Как розовый туман,
 Как солнечная морочь,
 Растает вся печаль
 В предутренней тиши...
 И лишь в седой волне
 Чуть затаится горечь,
 Как в памяти моей, —
 На самом дне души.

2. И КАЖЕТСЯ

Игрушечной нашей любви
 Слегка не хватало печали...
 И синие чайки кричали,
 И сонные сосны качали
 Над нами вершины свои.

А впрочем, была и печаль,
 Как это притихшее море,
 Как музыка
 В Домском соборе,
 Когда забывается горе
 И кажется:
 Жизни не жаль.

А после
 Была и тоска,
 Глухая, как поздняя осень,
 Когда необуздан и грозен
 Прибой из волны и песка.

А что еще нужно душе?

Немного любви
И тревоги,
Немного листвы на дороге
И ветра в сухом камыше.

Но главное — эта печаль,
Как тихое, кроткое море,
Как музыка
В Домском соборе,
Когда забывается горе
И кажется:
Жизни не жаль.

3. КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ

Жизнь прекрасна и коротка
И тепла, как твоя рука...

О, видения детских лет,
Где казалось, что смерти нет!..

Нынче сосны гудят в бору —
Все о том, что и я умру.

Сколько лет нам дано судьбой?
Что оставим мы здесь с тобой?

Сын останется — кровь моя.
Стих останется — боль моя.

Будет ветер у трех дорог.
Разметать золотистый стог.

И тростиночка камыша
Будет петь, как моя душа.

И на ветке блеснет роса,
Как живая твоя слеза.

4. ГАДАНИЕ

Смешное древнее искусство,
Пустая вера в чудеса!..
В мою ладонь ты смотришь грустно,
А я смотрю в твои глаза.

И в них, печальных и усталых,
Сквозь пелену былых обид
Лукавства маленький кристаллик
Легко и весело дрожит...

Гадай, пожалуйста. Вот руки.
Судьбу неясную зови.
Смотри, как линия разлуки
Подходит к линии Любви.

5. ПОЛЫНЬ

О, замри, моё сердце!
Застынь, Слышишь,
Ветер качает полынь?..

Занимается свет.
Умирает роса.
И росинки блестят,
Словно чьи-то глаза.

Слышу будто бы плачь,
Слышу будто бы стон.
Это тонкий полынный
Серебряный звон.

Это все, что когда-то
Случилось со мной,
Тихо шепчет полынь
У дороги степной.

Горьковатая,
Близкая сердцу трава
На холодную землю
Роняет слова...

Все, что в жизни узнать
И увидеть пришлось,
Все на этом рассвете
Сошлось:

И печаль, и тревога,
И зябкая стынь —
Все — как эта дорога,
Как эта полынь.

6. ОВЁС

Ты о чём звенишь, овес,
На вечернем тихом поле?
От твоих зеленых слез
Сердце тает в сладкой боли.

И слышны во все концы
На последнем склоне лета
Тоненькие бубенцы
Из серебряного света.

Голоса сухой травы,
Голоса сырой дороги.
О покое, о любви,
О растаявшей тревоге.

О неведомой судьбе,

И о днях моих начальных.
И, конечно, о тебе
О глазах твоих печальных.

7. ПЕРЕПЕЛКА

Перепёлка над пшеничным полем
И вечерний предзакатный лес.
Словно звон далеких колоколен
Тихо разливается окрест.

Тихий звон неведомо откуда...
На плохую жизнь не сетуй, друг.
Все равно она большое чудо.
Лишь бы свет небесный не потух.

Лишь бы в нашей пасмурной России
Было все, как в лучшие года.
Чтобы жили, сеяли-косили.
Чтоб не голодали никогда.

Чтобы травы были зеленее,
Чтобы больше было тишины.
Чтобы власти были поумнее,
Чтобы вовсе не было войны...

Я своей судьбой вполне доволен.
Я люблю такие вечера.
Перепелка над пшеничным полем
Тихо призывает: Спать пора.

8. КУКУШКА

Кукует поздняя кукушка.
Клубится пар грибных дождей.
Дубы качают на верхушках
Пучки зеленых желудей.

И я иду тропинкой хвойной,
Травинку горькую грызу.
И так чудесно, так спокойно
В согретом солнечном лесу!

Но не могу переупрямить
Ту боль, что сердце мне свела,
Моя измученная память
Гудит во все колокола.

Гудит во мне глухим набатом
О днях ошибок и потерь,
О том, что сделано когда-то
Не так, как сделал бы теперь...

А лес шумит на косогоре...
Скажи, кукушка, сколько дней

Еще мне жить,
Еще мне спорить
С жестокой памятью моей?

9. МУЗЫКА ПРОЩАЛЬНАЯ

День ни солнечный,
Ни пасмурный —
Как несмелая любовь.
Ни кораблика,
Ни паруса.
Словно музыка без слов.

Хвойной сушью
Мягко выслана
В сонных дюнах тишина.
Легкомысленно,
Безмысленно
На песке шуршит волна...

И почти невыразимая
Начинается с утра
Предосенняя,
Предзимняя,
Предпечальная пора.

Улетят в воспоминания
Ни забыть, ни передать
Наши тихие гуляния,
Золотая благодать...

Только музыка прощальная
Все же внятно говорит,
Что совсем не беспечальная
Нам разлука предстоит.

Что когда-то
Каждой клеточкой
О последнем этом дне
Дрогнет сердце
Хрупкой веточкой,
Как от ветра на сосне.

10. ОСЕННЯЯ ТИШЬ

Ах, как весело листья летят
И шуршат по безлюдному скверу!
И соборы крестами блестят
И хранят Позабытую веру.

Сберегают в осенней тиши
И несут из столетья в столетье
Нерешенную тайну души,
Неизбывную жажду
Бессмертья.

По старинной по белой стене
 Над сухим, Над развеянным клёном
 Я иду в ветровой тишине,
 Словно к рощам лечу Отдалённым.

Этот вечный простор с высоты
 Все тревожней, туманней и глуше.
 И с обрыва слетают листья, Словно наши
 Бесплотные души.

11. ЖУРАВЛИ

Золотое, зелёное утро.
 Пятиглавая церковь вдали.
 А в душе одиноко и смутно.
 И летят вдалеке журавли.

Журавли, вы как будто из песни,
 Из протяжных, мучительных слов.
 И дрожит, и звенит поднебесье
 Над рядами сосновых стволов.

Эти сосны — как медные струны
 От земли до холодных небес.
 И звучат журавлиные трубы,
 И качается утренний лес.

Все закончится — боль и дорога.
 Я ухода давно не боюсь.
 Но останется эта тревога,
 Этих пажитей легкая грусть.

Этот бор за притихшею весью,
 Этот запах сосновых стволов.
 Эти птицы — как будто из песни,
 Из протяжных, мучительных слов.

12. БОЛЬНИЧНЫЙ САД

Огненно-рыжий дубок,
 Стройный, худой и лохматый.
 Облака синий клубок
 В желтой полоске заката.

Тихо в больничном саду,
 Нет ни тревоги, ни страха.
 Вместе с тобою пройду
 До луговины оврага.

Осень, а клевер цветет —
 Мелкий, неяркий, лиловый.
 Скоро зима заметет
 Этот цветок бестолковый.

Это — потом... А сейчас —
 Прелесть осеннего сада.
 Свет понимающих глаз.
 Лучшего в жизни не надо.

Злые забуду года,
 Боль и душевную смуту.
 Боже! Продли навсегда
 Сладкую эту минуту.

13. УГАСАНИЕ

Пожелтели, облетели кроны.
 Стихло море в редких кораблях.
 Чайки, словно белые вороны,
 Кормятся на убранных полях.

Распластались золотые выси.
 Не вернется лето — не зови! —
 Для последней,
 Для прощальной мысли,
 Для почти развенчанной любви.

Что дороже —
 Радость или совесть?
 Эта прелесть тающих берез?
 Эта легкомысленная повесть,
 Душу опалившая всерьез;

Эти угасающие клены,
 Этот луг, знакомый наизусть,
 Где пророчат белые вороны
 Вечную серебряную грусть?..

14. ПОРА БЫ

Белеет зябь морозными ожогами.
 За голым лесом дымная заря.
 Опять иду звенящими дорогами
 Бесснежного сухого декабря.

Опять, наверное, погибнут озими,
 Промерзнут обнаженные поля.
 От этой долгой,
 Бесконечной осени
 Устала и измучилась земля.

Уже дубы в последнем редком золоте
 На пустыре застыли не дыша.
 И беззащитна,
 Как свеча на холоде,
 В глухом просторе хрупкая душа.

И словно нет предела безотрадности,
 И страшно в этом холоде пропасть...

Пора бы сердцу отогреться в радости,
Пора бы снегу теплomu упасть!

15. НАИВНЫЙ ДЫМОК

Качается мёрзлый орешник,
Стучит на холодном ветру.
И я — неприкаянный грешник —
Опушкой иду поутру.

Блестит на дороге солома,
Деревья стоят в серебре.
И все мне, как прежде, знакомо
В пушистом седом январе:

Болотца замерзшее блюдце
И в теплом снегу — камыши...
Но только уже не вернуться
В прозрачную юность души.

Растаяла в годы скитанья,
Как этих дерев серебро,
Блаженная радость незнания,
Начальная вера в добро.

И только по склонам бесснежным
Где стога замерзший комок,
Еще не угасшей надежды
Струится наивный дымок.

16. ТАМ

Там, за окраинным домом,
Легкая снежная мгла.
Чем-то до боли знакомым
Пахнет сырая ветла.

Там кольцевая дорога,
Черточки синих столбов.
Вечная чья-то тревога,
Вечная чья-то любовь.

Ветер у старой церквушки
Снежную стелет постель.
Кровью рябин по опушке
След не моих ли потерь?

А за пригорком покатым —
Леса далекий рубеж.
Там, над последнею хатой,
Дым не моих ли надежд?

17. ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ

Чёрный ворон, белый снег.
Наша русская картина.

И горит в снегу рябина
Ярче прочих дальних вех.

Черный ельник, белый дым.
Наша русская тревога.
И звенит, звенит дорога
Над безмолвием седым.

Черный ворон, белый снег.
Белый сон на снежной трассе.
Рождество, Работать — грех.
Но стихи — работа разве?

Не работа — боль души.
Наше русское смятение.
Очарованное пенье —
Словно ветром — в камыши.

Словно в жизни только смех,
Только яркая рябина,
Только вечная картина:
Черный ворон, белый снег.

18. МЕТЕЛЬ

О, Господи! Царь наш небесный!
Какая густая метель!
У этой речушки безвестной
Кому она стелет постель?

И нету следа человека,
И волка поблизости нет.
Как будто из прошлого века
Струится серебряный свет.

А что это там за дорогой?
Погост? Или, может, село?..
Какой необъятной тревогой
Угрюмую душу свело.

Совсем незнакомая местность.
И снежные призраки дней
Летят и летят в неизвестность
Из тающей жизни моей.

19. САНИ

И снова вижу: мимо озими,
Где вьюги землю замели,
Скрипит веселыми полозьями
Дорога санная вдали.

Ах, сани легкие, крылатые!
Куда летите вы, куда?
Туда, где белый дым над хатою

Как хвост сибирского кота.

Где пахнет сеном и овчинами,
Где старый ворон на суку.
Где солнце тонкими лучинами
Зажгло зальделую реку.

Ах, сани, сани!
Отзвук прошлого.
Возьмите, милые, меня
Из неуютного
И тошного,
Бензином пахнущего дня.

Возьмите, древние и быстрые,
Ведь вам не стоит ничего —
От горьких дум, Друзей неискренних
И от меня От самого.

20. КОЛЫМСКАЯ

Я поеду один К тем заснеженным скалам,
Где когда-то давно Под конвоем ходил.
Я поеду один, Чтоб ты снова меня не искала,
На реку Колыму Я поеду один.

Я поеду туда Не в тюремном вагоне
И не в трюме глухом, Не в стальных кандалах,
Я туда полечу, Словно лебедь в алмазной короне
На сверкающем «Ту» В золотых облаках.

Четверть века прошло, А природа все та же —
Полутемный распадок За сопкой кривой.
Лишь чего-то слегка Не хватает в знакомом пейзаже —
Это там, на горе, Не стоит часовой.

Я увижу рудник За истлевшим бараком,
Где привольно растёт Голубая лоза.
И душа, как тогда, Переполнится болью и мраком.
И с небес упадет — Как дождинка — слеза.

Я поеду туда Не в тюремном вагоне
И не в трюме глухом, Не в стальных кандалах,
Я туда полечу, Словно лебедь в алмазной короне
На сверкающем «Ту» В золотых облаках...

21. ПТИЦА-ПАМЯТЬ

Опять в глазах колымский камень,
Худой, корявый, редкий лес,
И золотой смолистый пламень,
И блески белые с небес.

Опять летишь ты, птица-память,
В мои далекие года.

От этих лет меня избавить
Никто не сможет никогда.

Да и зачем? Все наше — с нами.
До самой роковой черты
Все буду видеть это пламя
В краю беды и мерзлоты.

Какой еще суровой мерой
Измерю нынче жизнь свою,
Чем тот колымский камень серый,
Чем тот огонь в глухом краю?

И что еще на этом свете
Яснее убедит меня
В том, что любовь
Сильнее смерти,
Сильнее камня и огня?

22. ПОЭТ

Его приговорили к высшей мере.
А он писал,
А он писал стихи.
Еще кассационных две недели,
И нет минут для прочей чепухи.

Врач говорил,
Что он, наверно, спятил.
Он до утра по камере шагал.
И старый,
Видно, добрый надзиратель,
Закрыв окошко, тяжело вздыхал...

Уже заря последняя алела...
Окрасил строки горестный рассвет.
А он просил, чтоб их пришили к делу,
Чтоб сохранить.

Он был большой поэт.
Он знал, что мы отыщем,
Не забудем,
Услышим те прощальные шаги.
И с болью в сердце прочитают люди.
Его совсем негромкие стихи...

И мы живём, Живём на свете белом,
Его строка заветная жива:
«Пишите честно — Как перед расстрелом.
Жизнь оправдает честные слова...»

23. КАЛИНА

На русском Севере — Калина красная,
Края лесистые, Края озёрные.

А вот у нас в степи Калина — разная,
И по логом растёт Калина чёрная.

Калина чёрная На снежной замети —
Как будто пулями Всё изрешечено.
Как будто горечью Далекой памяти
Земля отмечена, Навек отмечена.

Окопы старые Закрыты пашнями.
Осколки острые Давно поржавели.
Но память полнится Друзьями павшими,
И сны тревожные Нас не оставили.

Доныне страшная, Войной пробитая
Дорога торная. И кровью алою —
Калина красная. И горькой памятью
Калина чёрная.

Калина красная Дроздами склёвана.
Калина чёрная Растёт — качается.
И память горькая, Печаль суровая
Всё не кончается, Всё не кончается...

24. БЕЛОГОРЬЕ

Белогорье. Горы белые.
В этих радостных местах
Бились красные и белые
Не за долю, не за страх.

За единую, великую,
За счастливую страну —
Шли к Якиру и к Деникину
На кровавую войну.

И враждебными колоннами
В пору горестных утрат
Шли под разными знаменами
Старший брат и младший брат.

И в любви к родному краю
В том убийственном бою
Каждый думал: умираю
Я за родину свою...

Возле хутора придонного
И сейчас закат багров.
Пулеметчики Буденного
Там косили юнкеров...

И осталась память ясная
О далеком, но живом.
И рябина ярко-красная
На обрыве меловом.

25. РОССИЯ

Полынный берег, мостик шаткий.
 Песок холодный и сухой.
 И вьются ласточки-касатки
 Над покосившейся стрехой.

Россия... Выжженная болью
 В моей простреленной груди.
 Твоих плетней сырые колья
 Весной пытаются цвести.

И я такой же — гнутый, битый,
 Прошедший много горьких вех,
 Твоей изрубленной ракиты
 Упрямо выживший побег.

26. О, ЖИЗНЬ МОЯ!

О, жизнь моя! Не уходи,
 Как ветер в поле.
 Еще достаточно в груди
 Любви и боли.

Еще дубрава у бугра
 Листвой колышет
 И дальний голос топора
 Почти не слышит.

И под ногой еще шуршат
 Сухие прутья.
 И липы тонкие дрожат
 У перепутья.

Еще стучит по жилам кровь
 В надежде вечной.
 И вечной кажется любовь
 И бесконечной.

Но с каждым годом уже круг
 И строже время
 Моих друзей, моих подруг,
 Моих деревьев.

О, хрупкий мир моей души
 И даль лесная! Живи,
 блаженствуй и дыши,
 Беды не зная...

Прозрачен лес, закат багров,
 И месяц вышел.
 И дальний голос топоров
 Почти не слышен.

27. ДУША

Что будет — то будет,
Умрем — как уснем.
Тяжелой полынью
В полях прорастем.

И будет над нами
Струиться заря.
И будет полынью
Светиться земля.

И кто-нибудь скажет:
— Какая теплынь!
Какая в полях
Голубая полынь!

И горькие ветки
Качнутся, шурша.
И в зыбкой тиши
Встрепенется душа.

28. БОЛЬШЕ ТОГО

Ветер свистит в сухом камыше
Близким посвистом зимних выюг.
Больше того, что есть в душе,
Мы — увы! — не напишем, мой друг.

Больше того, что жизнью дано,
Мы не сможем вложить в стихи...
Ветер стучит и стучит в окно.
Уже на дворе не видно ни зги.

А я вспоминаю седые дни.
Вижу солнца кровавый круг.
Только послушай, только взгляни, —
Сколько пришлось пережить, мой друг!

Видно, такая у нас тропа.
Время нас и должно терзать.
Больше того, что скажет судьба,
Разве мы сумеем сказать?..

29. ПОНИМАЮ ПОНЕМНОГУ

Понимаю понемногу:
В жизни вовсе нет чудес,
Вижу дальнюю дорогу,
Белый дым и черный лес.

Очень хочется уехать.
Не на время — навсегда
В белый край, где бродит эхо,
Провожает поезда.

Чтобы слышались ночами
Скрипы сосен за стеной.
Чтобы не было печали
И сумятицы больной.

Там заря во мгле туманна,
И в ночи горит звезда —
Просто, ясно, первозданно,
Словно в детские года...

Понемногу понимаю:
В жизни вовсе нет чудес,
Есть дорога полевая,
Белый дым и черный лес.

30. ТВОЙ ЛИК

В тумане плавают осины,
И холм маячит впереди.
Неудивленно и несильно
Дрожит душа в моей груди.

Вот так, наверно, и застыну,
И примет мой последний взгляд
Морозом схваченную глину
И чей-то вырубленный сад.

Издалека, из тьмы безгласной,
Где свет качается в окне,
Твой лик печальный и неясный
На миг приблизится ко мне.

Уже без вдоха и без мысли
Увижу я сквозь боль и смерть
Лицо, которое при жизни
Так и не смог я рассмотреть.

31. ПУСТЬ БЕЛЕЕТ ХРАМ

Храм белел сквозь черные деревья,
И хрустел вечерний темный снег.
Улетело солнечное время,
И умолк короткий летний смех.

Лето, лето! Молодость и сила.
И слеза живицы на сосне.
Слава Богу, — все когда-то было
И осталось памятью во мне.

Долго ли продлится эта память,
Эта тень деревьев на снегу?
Многое могу переупрямить.
Только время... Время — не могу!

И когда меня осилит время

И душа отправится в полет,
Пусть белеет храм среди деревьев
И далекий колокол поет.